

Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej 17

ISSN 1898-4215; e-ISSN 2544-3143

Copyright © by Elena Janczuk

Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0)

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.31338/2544-3143.si.2024-17.7>

Elena Janczuk

Uniwersytet Warszawski

e.janchuk@uw.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

ПОЭТ И СТИХИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «СТИХИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

**The Poet and the Element: A Functional-Semantic Analysis
of the Lexeme ‘Element’ in Marina Tsvetaeva’s Works**

Abstract

The article presents a functional-semantic analysis of the lexeme “element” in Marina Tsvetaeva’s works. By examining approximately 250 instances of the lexeme “element” taken from her prose and poetic texts, the typology of the key meanings of this lexeme and their functional features characteristic of the poet’s individual worldview are presented. Four common language and five occasional meanings of the lexeme “element” are identified. The work emphasises the uniqueness and depth of the symbolism of the element in Tsvetaeva’s individual-author worldview, which makes her poetic heritage particularly significant and multifaceted. Tsvetaeva, asserting her independence from culture and emphasising the primacy of elemental forces, uses the lexeme “element” to metaphorise various phenomena, including explaining the nature of the creative process. In her poetry, language returns to its roots, to the magical unity of thought and event, expressed through a deep connection with natural elements. Tsvetaeva sees herself and her poetic process as part of these elemental forces.

Keywords: Marina Tsvetaeva, element, motif, metaphorisation, Russian poetry

Марина Цветаева утверждала, что никогда не была в русле культуры и что искать ее следует «дальше и раньше»¹. Тем самым она подчеркивала вторичность культуры, поскольку в ее понимании настоящий поэт имеет дело напрямую со стихиями, он находится внутри стихии и может переносить это ощущение в поэзию². В поэзии язык возвращается к своей основе, к магическому единству мысли и события, пророчески взывающему к нам из сумрачных глубин праистории³. А Цветаева, будучи одержимой стихией и максимально свободной в раскрытии тайн мира, жила по особым законам, которые диктовала страстность ее натуры⁴. Цветаевское кредо – убежденность в связи человеческого существования с иррациональными силами бытия⁵. В своих текстах она отражает собственное восприятие тех или иных явлений, поэтому большинство порождаемых смыслов индивидуальны по своей природе⁶. В стихах происходит разворачивание концептуального глубинного смысла, который является воплощением мотива, породившего текст. Начинать реконструкцию концепта необходимо с семантического анализа слова как имени концепта⁷.

На рубеже XIX-XX вв. обращение к стихиям для понимания природы творчества было чрезвычайно распространено. Уже в 1890-е гг. русские символисты переоценивали структуру понятия «стихия»: «Образы стихий становятся доминантами, входят в основные противопоставления символистской картины мира. Создается целостная мифология стихий, одной из отличительных особенностей которой является стремление к синтезу»⁸. Для поэзии начала XX века основным элементом восприя-

¹ М. Цветаева, *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1994-1995, т. 7, с. 383. Далее в тексте – СС с указанием номера тома и страницы.

² В. Маслова, *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой*, Москва 2004, с. 11.

³ Х.-Г. Гадамер, *Философия и литература*, [в:] Х.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного*, Москва 1991, с. 141.

⁴ В. Маслова, *Поэт и культура: концептосфера...*, *op. cit.*, с.14-15.

⁵ И. Кудрова, «Загадка злодеяния и чистого сердца», [в:] И. Кудрова, *Гибель Марины Цветаевой*, Москва 1995, с. 312.

⁶ В. Маслова, *Поэт и культура: концептосфера...*, *op. cit.*, с. 11.

⁷ *Ibidem*, с. 30.

⁸ Ю. Лотман, *Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок)*, [в:] Ю. Лотман, *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990*, Санкт-Петербург 1995, с. 819.

тия и изображения природы становится не пейзаж, а стихия⁹. По мнению Николая Бердяева, именно в женщине «сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная»¹⁰.

Цветаева отстранялась от чужих концепций, но, откликаясь на них, сохраняла независимость, верность собственному чутью, однако ей мало было одной стихии, она «удалилась в другую или в другие»¹¹. Юрий Иваск еще при жизни поэта отмечал: «Стихии современности еще пребывают в младенческом состоянии. В поэзии Цветаевой они уже достигли зрелости»¹². Цветаева во многом соглашалась с Иваском, и сама свою природу объясняла, обращаясь к стихийным началам: «Я свою суть явила бы лишь в любви того, кто выбрал бы меня меж всеми [...] существами из воды, из огня, из воздуха, из земли, из неба» [СС5, 467], а в *Поэте о критике* (1932) писала: «В стихах, кроме стихов (стихотворной стихии), есть еще все стихии» [СС5, 283], в *Живое о живом* (1932) указывала, что Макс Волошин помог в формировании именно такого восприятия мира, он внушал: «Есть духи огня, Марина, духи воды, Марина, духи воздуха, Марина, и есть, Марина, духи земли» [СС4, 192]. Волошин также утверждал, что чем художник субъективнее передает свои впечатления от мира, тем полнее выразится в нем не только его «я», но мировая первооснова человеческого сознания¹³.

Для понимания места и роли стихий в картине мира Цветаевой, необходимо не только проследить значение отдельных первоэлементов (вода, огонь, земля, воздух)¹⁴, но и произвести детальный анализ семантики

⁹ М. Эпштейн, *Стихи и стихии. Природа в русской поэзии, XVIII-XX вв.*, Самара 2007, с. 154.

¹⁰ Н. Бердяев, *Смысл творчества*, гл. 8: *Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность*, Москва 1998, https://www.booksite.ru/fulltext/ber/dya/berdyayev_n_a/fil/filosof/18.htm#17 [доступ: 7.07.2024].

¹¹ А. Ахматова, *Сочинения*: в 2 т., т. 2, Москва 1986, <https://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/about/achmatov.html> [доступ: 7.07.2024].

¹² Ю. Иваск, *Цветаева, [в:] Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч., ч. 1: Родство и чуждость, 1910-1941*, Москва 2003, с. 438.

¹³ М. Волошин, *Лику творчества*, Ленинград 1988, с. 62.

¹⁴ Ср. Е. Янчук, *Мотив земли в творчестве Марины Цветаевой, [в:] Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты*, red. E. Tyszkowska-Kasprzak, I. Motejunaite, A. Smirnowa, M. Giej, Wrocław-Kraków 2021, с. 321-336; eadem, *Мотив воды в творчестве Марины Цветаевой, [в:] „Acta Polono-Ruthenica”*, XXVI/3, 2021, Olsztyn, с. 41-56; eadem, *Мотив огня в творчестве Марины Цветаевой, [в:] Эпоха «великих*

лексемы «стихия» и ее функциональных особенностей в индивидуально-авторской картине мира поэта. В творчестве Цветаевой стихия становится достаточно важной метафорой, которую она воспринимает очень лично и при помощи которой объясняет в том числе явления, далекие от мира природы. По мнению Романа Войтеховича, «стихии так же разнообразны в своих проявлениях, как мир, элементами которого они являются»¹⁵. В настоящей статье на примере около 250 случаев обращений поэта к лексеме «стихия» будет предложен системный анализ данного мотива как важного признака творческого мышления, мирозерцания и творческой индивидуальности в целом. Собранный в прозаических и интимных (письмах и дневниковых записях), а также в поэтических текстах материал разделен на две группы: основные (общезыковые) и периферийные (окаzionaliальные) значения.

В русском языке функционирует четыре общезыковых значения лексемы «стихия»¹⁶:

1. стихия как «основной первоэлемент природы (огонь, вода, воздух, земля)»;
2. стихия как «явление, процесс общественной жизни, которое не поддается воздействию людей, общества»;
3. стихия как «явление природы большой разрушительной силы»;
4. стихия как «любимый круг занятий, интересов».

В первую очередь, значение лексемы «стихия» отсылает к четырем основным первоэлементам природы (огонь, вода, воздух, земля), однако частотность обращений к данному значению незначительна. Так, в поэме *Царь-Девушка* (1920) описывается состав крови Царь-Девушки (но без употребления самой лексемы «стихия»): «Ветер – воды – огонь – земля, / Эта спящая кровь – моя!» [ССЗ, 259]; в *Крысолове* (1925) музыка вбирает в себя все четыре стихии: «Quatuor (1) четырех стихий, / Раскрепощенье бестий» [ССЗ, 91]. В поэме *Лестницы* (1926) Цветаева проводит мысль, что человеческие вещи являются воплощением стихий в реальном мире,

потрясений в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»). *Материалы научной конференции*, ред. Е. Криволапова, Курск 2018, с. 131-140; eadem, *Мотив воздуха в творчестве Марины Цветаевой*, [в:] *Monografia pokonferencyjna Wschód-Zachód*, Słupsk, 2024 (в печати).

¹⁵ Р. Войтехович, *Цветаева как Elementargeist*, [в:] Р. Войтехович, *Марина Цветаева и античность*, Гарту 2007, с. 328.

¹⁶ Д. Дмитриев, *Толковый словарь русского языка*, Москва 2003.

«здесь описано, как вещь начинает осознавать себя стихией (элементом), т. е. одновременно веществом и существом»¹⁷: «Вещь, бросив вежливость: – Есмь мел! железо есмь! [...] Стакло, с полок бережных: – / Пе – сок есмь! Вдребезги ж! / Сти – хий пощечина!» [СС3, 125]. Через бытовые вещи стихии проникают в жизнь и мстят своими стихийными свойствами. Человек, страхующий свое имущество, боится его не от мертвой материи и не от случайности: «Газ взорвался? / Нет, бес взыграл! [...] / Застрахованность от стихий! / От Гефеста – со всем, что в оном – / Дом, а яхту – от Посейдона. / Оцените и мысль, и жест: / Застрахованность от божеств!» [СС3, 127]. Обращение к мотивам огня, воды, воздуха, земли в творчестве Цветаевой требует отдельного исследования (см. ссылку 14).

Второе общезыковое значение «стихии», освоенное Цветаевой, обозначает явление, процесс общественной жизни, которые не поддаются воздействию людей или общества. М. Эпштейн указывал на нарастающее в начале XX в. ощущение стихийности в истории: «Все настойчивее заявляет о себе бездна, таящаяся под внешне устойчивым общественным укладом»¹⁸. Ирма Кудрова подчеркивает особую притягательность для Цветаевой мотивов подвластности человека иррациональным стихиям бытия, могущество этих стихий¹⁹. Цветаева метафоризирует стихией революцию, войну, и даже само бытие, в ее ощущении вокруг нее: «террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лика, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь...» [СС4, 423]. Поэт подчеркивала ясность для нее двух стихий: «быт (т. е. Революция) и БЫТИЕ (я)» [СС6, 525], уточняла, что независимо от того, как революция воспринимается, «все равно она уже в тебе – и извечно (стихия)» [СС5, 338]. В эссе *Поэт и время* (1932) Цветаева вспоминает стихи Якова Полонского, который сравнивал писателя с волной, а Россию с океаном, в которой писатель «не может быть не возмущен, / когда возмущена стихия». Цветаева комментирует, что идеологам пролетарской поэзии следовало бы побольше читать и поменьше учить поэтов и дать «этой потрясенной стихии потрясать поэта самой» [СС5, 339]. В 1933 г. она считала, что Октябрь – символ не просто мятежа, а «больше – стихии», и с энтузиазмом отнеслась к тому, что она сама была помещена критиком

¹⁷ Р. Войтехович, *Цветаева как Elementargeist...*, op. cit., с. 331.

¹⁸ М. Эпштейн, *Стихи и стихии...*, op. cit., с. 195.

¹⁹ И. Кудрова, «Загадка злодеяния и чистого сердца»..., op. cit., с. 308-309.

«внутри (как внутри пожара)» [CC7, 381]; признавалась, что ненавидит свой век, «потому что он век организованных масс, которые уже не есть стихия» [CC7, 385]. Война же для Цветаевой – это столкновение машин, а не людей, а «стихию маш<инную>» она ненавидела²⁰. Россию называла «целой пятой стихией» [CC4, 56], «стихией горизонтов» [CC5, 449], эта стихия разговаривает с большими поэтами: «после Пушкина – вся Россия могла сказать только Блоку» [CC4, 56]. К этой же группе можно отнести «русскую, народную стихию» [CC7, 394], которая отразилась в творчестве Цветаевой 20-х гг., а также обобщающее «российство» и «еврейство», которые «тоже стихия» [CC7, 364].

Третье значение лексемы «стихия» – явления природы большой разрушительной силы – у Цветаевой не частотно, разрушительность стихийных бедствий, о которых поэт упоминает, преувеличена, эмоционально окрашена. По замечанию Р. Войтеховича, Цветаева могла сформулировать свое представление о любой «стихии» как элементе мироздания, «лишь бы он удовлетворял критерию цельной и самодовлеющей (существующей для себя) сущности»²¹. Так, не желая проводить очередную зиму в деревне, писала: «ибо зима – стихия, поглощающая деревню!» [CC6, 554]; в тяжелый момент признавалась, что жить не хочет, но нужно, поэтому «остается одно: стихии: моря, снега, ветра» [CC6, 622]. К числу стихийных явлений относилась ночь – это «жертвенная, стихия совести»²², день – «стихия дня (света)» [CC5, 239]; весну – «весна стихия и в деревне вмест<иться> не может...», «весна – Стихия, и мне от нее ничего, кроме нее, не нужно» [НЗК2, 284]; город противопоставляла природе – слишком выявленные города и страны ее отвлекали: «стихии не подробны» [НЗК2, 285].

Четвертая группа значений, указывающая на любимый круг занятий, интересов, немногочисленна. Цветаева была последовательна, когда речь шла о ее приоритетах: «Не люблю (не моя стихия) детей, пластических искусств, деревенской жизни, семьи» [CC4, 566], указывала: «Моя стихия – всё, встающее от музыки. А от музыки не встают ни дети, ни простонародье, ни пласт<ические> искусства, ни деревенская жизнь, ни семья» [НЗК1 252]. Некоторые частные явление жизни представляла как проявле-

²⁰ М. Цветаева, *Неизданное. Записные книжки*, т. 1-2, Москва 1997, т. 1, с. 299. Далее в тексте – НЗК с указанием номера тома и страницы.

²¹ Р. Войтехович, *Цветаева как Elementargeist...*, op. cit., с. 335.

²² М. Цветаева, *Неизданное. Сводные тетради*, Москва 1997, с. 57. Далее в тексте – НЗК с указанием номера страницы.

ние некой стихии, в частности, после революции изменилось восприятие простых вещей: «мелочи быта возвысились до обряда, всё стало насущным, стихийным» [НЗК1, 438].

Окказиональные значения лексемы «стихия» разрабатываются Цветаевой гораздо активнее. Можно выделить пять групп значений:

1. стихия как метафора биологической функции;
2. стихия как метафора чувств, эмоций;
3. стихия как характеристика человека;
4. стихия как самохарактеристика;
5. стихия как метафора творчества.

Обращает на себя внимание метафоризация стихией биологической функции. Для Цветаевой в другом человеке важно было понимание стихийного начала, она ожидала от партнера готовности обменять ее «на стихию» [СС7, 263]. Семейные функции делила на стихийные и нестихийные: «есть материнство – стихия», «отцовства вообще нету» [НЗК1, 190]; ощущала в себе «просто женскую стихию», «просветленную, окрыленную и преображенную творчеством» [НЗК2, 141]; если разбудить женскую сущность, это вызовет «всю стихию и весь хаос» [НЗК1, 194]; различные человеческие атрибуты относил к числу стихий, например, красоту, молодость. Ревность высшего к низшему объясняла не ревностью «лица к лицу, а лица – к стихии, т. е. к красоте, молодости [...] стихия (слепая)» [НСТ, 386].

Стихия у Цветаевой метафоризировала эмоциональное состояние, чувство, как подчеркивал Ю. Иваск, «стихия-страсть, мятущаяся в вещах и в человеке – главный герой цветаевской поэзии»²³. Так, стихией называла дружбу, но не любовь [НЗК2, 286], любовь – составляющая «стихий любовного» [СС4, 463], выделяла в любви «болевое» и «усладительное» начало, боль индивидуальна, лична, а «усладительное» относил к «стихии Эроса» [СС6, 590]; различала предельную (т. е. – беспредельную) любовь: «В любовной стихии – чудо, в материнской – естественность» [СС6, 568]. В то же время видела в любви и другое проявление: через любовника «явлена любовь, провод стихии Любви», и тогда любовь воспринимается «не как “связь”, а как стихия» [СС4, 482]; подчеркивала различие между «принципиальной безмерностью чувств» и «стихийной безмерностью» [СС6, 569]; говоря о бессоннице, Цветаева различала бдение как волевое

²³ Ю. Иваск, *Цветаева...*, *op. cit.*, с. 438.

усилие не-спать и бессонницу как страдательное (стихийное): «стихия Бессонницы, пошедшая по руслу бдения» [CC7, 562].

Стихия становится метафорой в характеристиках близких, так, мать – «лирическая стихия» [CC5, 6], в ней две музыкальных крови (а кровь – стихия), отцовская и материнская, слились в одну: являясь существом «певучим, лирическим, одностихийным» и выйдя замуж за филолога, Ивана Цветаева. Именно мать противопоставила в Марине «неслившуюся» с ее собственной кровью кровь «филологическую и явно-континентальную» [CC5, 20].

Знакомые поэты причастны различным стихиям. Так, за Константина Бальмонта «вся стихия человеческого сочувствия» [CC4, 9], он же был человеком, «одержимым стихией», его «уста и гласят стихии» [НСТ, 477]. Цветаева относила его к «пятой стихии», в которой он и жил [CC4, 55]. Стоит заметить, что пятая стихия для Цветаевой – это стихия слова, языка, словесного творчества. Юмор Сергея Волконского называла «целой стихией!» [CC5, 270]. Райнер Мария Рильке – это также «воплощенная пятая стихия: сама поэзия» [CC7, 55]. Максимилиан Волошин ощущал своими «море, степь, горы – три коктебельских стихии и собирательную четвертую – пространство» [CC5, 179], в нем жила «четвертая, всеми забываемая стихия – земли. Стихия континента: сушь» [CC5, 192], он «еще до воссоединения своего со стихиями, заживо взят в миф» [CC5, 220]. Александр Блок был обесилён физически и надорван духовно, в него «ворвалась стихия Революции со своими песнями и разрушила его тело» [CC5, 410]; он обогатил стихию тьмы: «к черноте прибавил, он ее сгустил, усугубил, углубил, учернил» [CC4, 237]. Основная стихия Андрея Белого, «пленного духа», – полет, родная и страшная его «стихия пустых пространств» [CC4, 266], а во Владиславе Ходасевиче поэт не чувствовала стихии, «потому что ее нет», ему не свойственна «обратная стихия добра» [НСТ, 195].

Пастернаку дано «живое море», и это «первое море в русской литературе после моря свободной стихии и пушкинскому равное» [CC5, 381]. Что бы он ни писал, это всегда было о стихиях, а не о лицах [CC5, 373]. Помимо морской стихии, Пастернак страстно изображает «все стихии»: «от бушующей ноябрьской метели до цветной апрельской» [CC5, 419]; он одинаково отзывчив на природную и жизненную стихию: «Поскольку революция есть стихия, Пастернак откликнулся на нее сразу» [CC5, 421]; стремится «заново дать все взбунтовавшиеся стихии, плюс пятую – лирику» [CC5, 425].

Рассуждая о поэтических влияниях на поэта Николая Гронского, Цветаева указывает на Гавриила Державина, который, в связи с отдаленностью времени жизни, «уже почти стихия, такой же первоисточник, как природа». С поэтами так происходит, что «одни сливаются со стихиями, другие – с народами» [СС5, 440]. Цветаева отмечает тяготение Гронского к описанию Альп, то есть гор, то есть стихии земли. Цветаева убеждена в причастности поэта стихиям: «Море пишется морем и гранит гранитом, каждая вещь своим же веществом посредством основной его функции. [...] Сила слова в степени его преосуществляемости в вещество являемого», иными словами, поэт говорит языком стихии, «верней, она говорит – его ртом» [СС5, 454].

К слову, герои произведений также становятся носителями стихий, так, герой пушкинской *Капитанской дочки* Емельян Пугачев – «стихия, не знающая страха», «чистая стихия страха» [СС5, 520]; исторические персонажи – «стихийные силы „стихии принципов”» [СС7, 555].

Помимо поэтов и писателей, Цветаева метафоризовала стихией их произведения. Так, перечитывая *Девяносто третий год* Виктора Гюго, она выражает свое восхищение: «Это перо стихии выбрали глашатаем» [НЗК2, 198]. Книгу Олава Дууна *Die Juwikingen* Цветаева считала написанной «самими стихиями через людей» [СС7, 476].

Памятник Александру Пушкину также связан с присутствием стихии: «Над морем свободной стихии – Пушкин свободной стихии» [СС5, 62], на самом деле, это не столько памятник поэту, сколько «свободе – неволе – стихии – судьбе – и конечной победе гения» [СС5, 62].

Цветаева активно метафоризовала стихией собственную природу, относила себя к числу элементарных или стихийных сущностей²⁴, признаком которых является цельность: «Стихии не подробны» [НЗК2, 285]: «Как [...] существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне» [НСТ, 259]. Для счастья, то есть для полного владения своими силами, Цветаевой необходима «твердая Основа – Устав», состоящая в четком разделении: «Днем – Ремесло, вечером – Беседа, ночью – Ночь, стихия ночи, – Я» [НЗК2, 161]. Цветаева считала, что не должна «стоять между человеком и стихией», и даже хотела быть ее проводником, «представителем» стихий: «Марины нет – когда море!» [СС6, 574]. В событиях снов она видела «суть стихии» человеческого естества, а собственные

²⁴ Ср. Р. Войтехович, *Цветаева как Elementargeist...*, op. cit., с. 345-347.

сны о самоубийстве объясняла тем, что хочет быть убитой, этого хочет ее «скрытое я», самой ей неизвестное, познаваемое в снах, «единственное истинное, мое старшее, мое вечное я» [НЗК2, 372]. В ситуациях особой важности именно оно принимает решения: «Я ничего не могу изменить в движении моих стихий, в движении к концу» [НЗК2, 372]. Писала о своих личных стихиях: «одиночество и туман, – мои две стихии!» [СС6, 360]; к числу «своих» стихий относилась – дружбу и лес, а «не своих» – «море²⁵ и любовь» [СС7, 479], вода вообще не ее стихия: «страшная для меня стихия воды» [СС6, 425, 429]. Называла свой поэтический голос большим, поскольку он был голосом стихии «российства», в особенности, в *Молодце* и *Переулочках*, по ее мнению, была сосредоточена «русская народная стихия». Неслучайно Сергей Маковский писал в 1924 г. о ее поэзии: «Это не всегда стихи, но это всегда – стихия!» [СС7, 401]. Сама поэт считала невозможным, чтобы «русская стихия» в ней утратила силу, стала обескровленной и обездушенной [СС7, 401].

Творчество в понимании Цветаевой имеет непосредственную связь со стихиями, мысли о воздействии стихий на художника широко представлены как в интимных текстах, так и в лирической прозе. Можно говорить о некой «концепции» творчества, в основе которой лежит характер взаимодействия художника со стихиями. Цветаева пыталась донести, что искусство не свято, и создавала миф о художнике как представителе природы, а не культуры, жителя Вечности, а не истории. «Высшие силы», которые руководят поэтом, принадлежат «миру природы» и стихиям, хотя в неэтическую стихию искусства художник вносит человеческую этику, обязывающую художника нести ответственность за то, что он создает²⁶.

Прежде всего, Цветаева видит поэзию как форму взаимодействия с природными стихиями, которые и определяют творческий процесс.

²⁵ Важнейшим источником своего творчества Цветаева считала свою детскую любовь к морю, описанному в стихотворении А. Пушкина *К морю*: «Мое море – пушкинской свободной стихии – было море последнего раза». Реальная встреча с морем оказалась большим разочарованием и двойным прощанием: «с морем свободной стихии» и «с тем настоящим морем, которое передо мной было и которое я [...] уже не могла полюбить». Ее детское отождествление стихии со стихами оказалось прозрением: «свободная стихия оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда» [СС5, 91].

²⁶ И. Шевеленко, *Литературный путь Цветаевой. Идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи*, Москва 2015, с. 392-393.

Язык и лирика, как уже отмечалось выше, представляют собой для Цветаевой «пятую стихию», которая «единственная из всех стихий, отродясь осмысленна, то есть одухотворена» [СС5, 360]. Стихи она относила к «бессознанию (осознанному!)» [СС7, 557], то есть помещала их на грани разумного и неразумного, зачастую выходя за пределы логического и исторического восприятия в сферу вечного настоящего²⁷. Это расширяет границы разума и раскрывает полноту существующего момента.

В эссе *Искусство при свете совести* (1932) Цветаева помещает главу *Поэт и стихии*, в которой объясняет, что основу творческого импульса видит в «наитии стихий» на художника. Великий художник характеризуется «высшей степенью подверженности наитию» и умением (волей) управлять этим состоянием [СС5, 348]. В процессе творчества художник испытывает «блаженство полной отдачи стихии» [СС5, 350], но при этом он должен сохранять контроль, чтобы не впасть в сумасшествие. Искусство она определяет как «последний атом сопротивления стихии во славу ей», то есть это природа преодолевает саму себя «во славу свою» [СС5, 351].

Цветаева видит художника как посредника между природой и вечностью. Пока поэт взаимодействует со стихиями, он не погибнет, все его возвращает «в стихию стихий: слово», для поэта губельно именно «отрешение от стихий» [СС5, 351]. Великий художник отличается высокой степенью подверженности влиянию стихий, искусство для него не цель, а «всегда средство» [СС5, 360]. Настоящий гений находится под воздействием стихийных сил мира, причем это состояние наваждения, как будто кто-то вселяется, хочет через тебя быть [СС5, 366].

Цветаева противопоставляет настоящего художника, одержимого стихиями, эстету, который одержим искусством. Одержимость искусством – «эстетство» – без связи со стихиями порождает вторичные произведения, существующее вне контакта со стихиями, по мнению Цветаевой, эстет «погиб для Бога и людей» [СС5, 366], «выключен из стихий, он нуль» [СС6, 573].

²⁷ Цветаева в некотором смысле стремилась выйти «за рамки разумного (линейного, исторического, ставшего видным) в сферу того, что еще не стало разумным и предстает принципиально неразумным, чтобы раздвинуть пределы самого нашего разума и раскрыть полноту сферы вечно-пребывающего настоящего». Ср. С. Щепановская, *Способ творчества современности и его языковая основа*, [в:] *Творчество как национальная стихия: опыт России и Украины*, ред. Г. Аляев, О. Маслобоева, Санкт-Петербург 2015, с. 70, [в:] https://unecon.ru/sites/default/files/2015_sbormik_tvorchestvo.pdf [доступ: 21.08.2024].

Искусство создает свою собственную реальность, где действуют другие законы и иначе оцениваются поступки, Ирина Шевеленко подчеркивает: «Правда искусства расходится с правдой жизни, искусство как “ответвление природы” существует параллельно культуре (“жизни”)”, эти сферы взаимодействуют, потому что есть художники и их читатели, зрители, слушатели»²⁸. Художник не служит Богу, а стихиям, и должен различать, какие силы влияют на его творчество. Цветаева убеждена: «Все мои русские вещи стихийны, то есть грешны» [СС5, 362]. Искусство – это «волевой акт выведения стихии за пределы индивидуальной психики художника», что приводит к созданию произведений, которые заражают культуру природой, и отзыв читателей на слово художника есть подпадание читателя под чару (стихию), что владела им самим. Исконные (не культурой привнесенные) истины должны служить «напоминанием о существовании *иной реальности*, – реальности искусства – природы – Вечности»²⁹.

Природные стихии проявляются в исторических событиях, таких как революции и войны. Художник реагирует на эти события, выражая их через свое творчество, но этот процесс избирателен и зависит от природного слуха (чутья на события) самого художника. По этой причине нельзя бездумно служить чужим идеям, Цветаева в этом вопросе категорична: «Ничего не хочу, за что [...] в любой час дня и ночи не умру» [СС5, 368], и настоящий поэт способен «душу отдать за други своя. Только это в поэте и может осилить стихию» [СС5, 368].

Цветаева задается вопросом, можно ли судить художника, одержимого стихией, это ведь как «судить огонь, который сжигает дом». Публика может его судить за поступки или считать, что он делает святое дело. Однако сам художник осознает свою виновность, сам себя судит и сам борется со стихиями, которые ненадежны и стремятся запугать, разжалобить, захватить. Цветаева однако не снимает с него ответственности «перед Богом, не перед людьми» [СС5, 372-373].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что предложенная типология не исчерпывает всех реальных употреблений лексемы «стихия», но показывает основные тенденции. Стихия становится сквозным мотивом, к которому Цветаева обращается на каждом этапе своего творчества. По словам,

²⁸ И. Шевеленко, *Литературный путь Цветаевой...*, op. cit., с. 395.

²⁹ Ibidem, с. 395-396.

Р. Войтеховича, если просмотреть все тексты Цветаевой, разного рода метафоризаций стихии «наберется на целую “таблицу Менделеева”»³⁰. В данной статье, в частности, были рассмотрены такие общезыковые значения: стихия как основной первоэлемент природы, как явление/ процесс общественной жизни, как явление природы, как любимый круг занятий. Было установлено, что такого рода употребления нечастотны. Более активны метафоризации таких явлений, как биологическая функция, чувства, эмоции; характеристики близких и самохарактеристика, а в особенности, метафоризация творческого процесса. В последнем случае Цветаева разрабатывает собственную «концепцию» творчества как части природы. Таким образом, «стихия» становится одним из важных инструментов метафоризации процессов и явлений не только физического, но и социального и духовного мира поэта, становясь достаточно частотным мотивом в творчестве поэта. При системном анализе, представленном в настоящей статье, место данного мотива в индивидуальной картине мира поэта приобретает особую познавательную ясность и символично-архетипическую значимость.

References

- Ahmatova A., *Sočineniâ*: v 2 t., t. 2, Moskva 1986, [v:] <https://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/about/achmatov.html> [dostup: 7.07.2024]. [Ахматова А., *Сочинения*: в 2 т., т. 2, Москва 1986, [в:] <https://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/about/achmatov.html> [доступ: 7.07.2024].]
- Ânčuk E., *Motiv ognâ v tvorčestve Mariny Cvetaevoj*, [v:] *Èpoha „velikih potrâsenij” v literature, âzyke i kul'ture («Fetovskie čtenîâ»)*. *Materialy naučnoj konferencii*, red. E. Krivolapova, Kursk 2018, s. 131-140. [Янчук Е., *Мотив огня в творчестве Марины Цветаевой*, [в:] *Эпоха „великих потрясений” в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»)*. *Материалы научной конференции*, ред. Е. Криволапова, Курск 2018, с. 131-140.]
- Ânčuk E., *Motiv vody v tvorčestve Mariny Cvetaevoj*, [v:] „Acta Polono-Ruthenica”, XXVI/3, 2021, Olsztyn, s. 41-56. [Янчук Е., *Мотив воды в творчестве Марины Цветаевой*, [в:] „Acta Polono-Ruthenica”, XXVI/3, 2021, Olsztyn, с. 41-56.]
- Ânčuk E., *Motiv vozduha v tvorčestve Mariny Cvetaevoj*, [v:] *Monografia pokonferencyjna Wschód-Zachód*, Słupsk, 2024 (v pečatî). [Янчук Е., *Мотив воздуха в творчестве*

³⁰ Р. Войтехович, *Цветаева как Elementargeist...*, op. cit., с. 335.

- Марины Цветаевой, [в:] *Monografia pokonferencyjna Wschód-Zachód*, Słupsk, 2024 (в печати).]
- Ânčuk E., *Motiv zemli v tvorčestve Mariny Cvetaevoj*, [v:] *Drugie berega russkoj literatury i kul'tury: idei, poëtika, konteksty*, red. E. Tyszkowska-Kasprzak, I. Motejynajte, A. Smirnowa, M. Giej, Wrocław-Kraków 2021, s. 321-336. [Янчук Е., *Мотив земли в творчестве Марины Цветаевой*, [в:] *Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты*, red. E. Tyszkowska-Kasprzak, I. Motejynajte, A. Smirnowa, M. Giej, Wrocław-Kraków 2021, с. 321-336.]
- Berdâev N., *Smysl tvorčestva*, gl. 8: *Tvorčestvo i pol. Mužskoe i ženskoe. Rod i ličnost'*, Moskva 1998, [v:] https://www.booksite.ru/fulltext/ber/dya/berdyaeв_n_a/fil/filosof/18.htm#17 [dostup: 7.07.2024]. [Бердяев Н., *Смысл творчества*, гл. 8: *Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность*, Москва 1998, [в:] https://www.booksite.ru/fulltext/ber/dya/berdyaeв_n_a/fil/filosof/18.htm#17 [доступ: 7.07.2024].]
- Cvetaeva M., *Neizdannoe. Svodnye tetradi*, Moskva 1997. [Цветаева М., *Неизданное. Сводные тетради*, Москва 1997.]
- Cvetaeva M., *Neizdannoe. Zapisnye knižki*, t. 1-2, Moskva 1997. [Цветаева М., *Неизданное. Записные книжки*, т. 1-2, Москва 1997.]
- Cvetaeva M., *Sobranie sočinenij*: v 7 t., Moskva 1994-1995. [Цветаева М., *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1994-1995.]
- Dmitriev D., *Tolkovoj slovar' russkogo âzyka*, Moskva 2003. [Дмитриев Д., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2003.]
- Èrštejn M., *Stihi i stihii. Priroda v russkoj poëzii, XVIII-XX vv.*, Samara 2007. [Эпштейн М., *Стихи и стихии. Природа в русской поэзии, XVIII-XX вв.*, Самара 2007.]
- Gadamer H.-G., *Filosofîa i literatura*, [v:] Gadamer H.-G., *Aktual'nost' prekrasnogo*, Moskva 1991. [Гадамер Х.-Г., *Философия и литература*, [в:] Гадамер Х.-Г., *Актуальность прекрасного*, Москва 1991.]
- Ivask Ū., *Cvetaeva*, [v:] *Marina Cvetaeva v kritike sovremennikov*: v 2 č., č. 1: *Rodstvo i čuždost'*, 1910-1941, Moskva 2003, s. 434-440. [Ю. Иваск, *Цветаева*, [в:] *Марина Цветаева в критике современников*: в 2 ч., ч. 1: *Родство и чуждость, 1910-1941*, Москва 2003, с. 434-440.]
- Kudrova I., “Zagadka zlodeâniâ i čistogo serdca”, [v:] I. Kudrova, *Gibel' Mariny Cvetaevoj*, Moskva 1995, s. 299-318. [Кудрова И., “Загадка злодеяния и чистого сердца”, [в:] Кудрова И., *Гибель Марины Цветаевой*, Москва 1995, с. 299-318.]
- Lotman Ū., *Obrazy prirodnyh stihij v russkoj literature (Puškin – Dostoevskij – Blok)*, [v:] Ū. Lotman, *Puškin: Biografîa pisatelâ; Stat'i i zametki, 1960-1990*, Sankt-Peterburg 1995. [Лотман Ю., *Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок)*, [в:] Ю. Лотман, *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990*, Санкт-Петербург 1995.]

- Maslova V., *Poët i kul'tura: koncepcosfera Mariny Cvetaevoj*, Moskva 2004. [Маслова В., *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой*, Москва 2004.]
- Šepanovskaâ S., *Sposob tvorčestva sovremennosti i ego âzykovaâ osnova*, [v:] *Tvorčestvo kak nacional'naâ stihiiâ: opyt Rossii i Ukrainy*, red. G. Alâev, O. Masloboeva, Sankt-Peterburg 2015, s. 69-76, [v:] https://unecon.ru/sites/default/files/2015_sbornik_tvorchestvo.pdf [dostup: 7.07.2024]. [Щепановская С., *Способ творчества современности и его языковая основа*, [в:] *Творчество как национальная стихия: опыт России и Украины*, ред. Г. Аляев, О. Маслобоева, Санкт-Петербург 2015, с. 69-76, [в:] https://unecon.ru/sites/default/files/2015_sbornik_tvorchestvo.pdf [доступ: 7.07.2024].]
- Ševelenko I., *Literaturnyj put' Cvetaevoj. Ideologiâ, poëtika, identičnost' avtora v kontekste èpohi*, Moskva 2015. [Шевеленко И., *Литературный путь Цветаевой. Идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи*, Москва 2015.]
- Vojtehovič R., *Cvetaeva kak Elementargeist*, [v:] R. Vojtehovič, *Marina Cvetaeva i antičnost'*, Tartu, s. 327-351. [Войтехович Р., *Цветаева как Elementargeist*, [в:] Р. Войтехович, *Марина Цветаева и античность*, Тарту 2007, с. 327-351.]
- Vološin M., *Liki tvorčestva*, Leningrad 1988. [Волошин М., *Лику творчества*, Ленинград 1988.]